

№ 27

(131)

3 Іюля

1914.

НОВАЯ

ВСЕМІРНАЯ

ИЛЮСТРАЦІЯ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ

Памяти Ант. П. Чехова

(2 ЮЛЯ 1904—1914 Г.)

АНТ. П. ЧЕХОВЪ.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда въ знойный июльскій день по всей Россіи пронеслась мучительно-скорбная вѣсть о кончинѣ Антона Павловича Чехова... И вся Россія застонала, тихимъ и безбрежно скорбнымъ стономъ. Когда умеръ Толстой, Россія дрогнула, дрогнула и вся земля, ибо смерть скосила могучій гигантскій дубъ. Когда умеръ Чеховъ, Россія застонала, ибо у нея изъ души вырвали самый нѣжный, самый благоуханный цвѣтокъ... Десять лѣтъ прошло. Только десять лѣтъ. Чехова нѣтъ, нѣтъ и его героевъ съ ихъ безбрежной, несказуемой тоской, съ ихъ красиво-философскимъ созерцаніемъ жизни. Нѣтъ того медленно-тягучаго

темпа жизни, въ которомъ лилась мелодія тоскующихъ чеховскихъ душъ... Нѣтъ того полного неисповѣдимыхъ чаръ *adagio*, въ которомъ разыгрываются его пьесы-вздохи. Жизнь моторная, жизнь кинематографическая завоевала миръ... Темпъ этой жизни *allegro Accelerando*, и она не знаетъ прелести *adagio*, сладкаго очарованія *andante cantabile*.

Активное устремленіе малаго разума къ завоеванію маленькихъ благъ вытѣснило пассивное созерцаніе разума большого большихъ и нетлѣнныхъ цѣнностей...

И такъ мучительно хочется иногда остановить эту бѣшенную суетную фильму жизни, или вернуться къ ней спиной... И открывъ книжку съ пѣсами мягкаго чаровника Чехова, вмѣстѣ съ нимъ помолчать глубокимъ молчаніемъ и вмѣстѣ съ нимъ помечтать о томъ, что будетъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ...

Хочется представить себѣ его милую, все понимающую улыбку, его грустные, все видящіе глаза... Хочется всей душой приобщиться къ красивой скорби его души, подслушать тихое трепетное бѣненіе его сердца, дать убавлять себя мягкимъ *adagio* его пѣсенъ и сказать ему:

— Привѣтъ тебѣ и нѣжное глубокое спасибо, милый, тихій, удивительный поэтъ!

Л. А.